

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

[Вопросы славянского языкознания в польских лингвистических журналах и сборниках (1954—1955 гг.)]

В послевоенный период в Польше не только возросло общее число лингвистических журналов, но и расширилась, а в известной степени и конкретизировалась языковедческая тематика, обсуждаемая на их страницах¹. Вопросы славянского языкознания, наряду с вопросами полонистики, издавна находились в центре внимания польских исследователей. Из них в качестве основных рассматривались прежде всего: 1) проблемы этногенеза славян, образования отдельных групп славянских языков и их классификации; 2) проблемы грамматики общеславянского языка и сравнительной грамматики славянских языков; 3) проблемы исторической грамматики, диалектологии и грамматического строя отдельных славянских языков. Особо следует отметить интерес к проблемам славянской топонимики, ономастики и лексикологии².

Первому кругу вопросов посвящен ряд статей, представляющих собой тексты докладов, которые были прочитаны на XV съезде Польского лингвистического общества (апрель 1954 г., Краков). В статье акад. Т. Лер-Славянского «Проблема классификации славянских языков» говорится о древнейших доисторических эпохах развития общеславянского языка и формирования внутри него отдельных диалектов («Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego» (сокр. BPTJ), XIV, Kraków, 1955, стр. 112—121). Опираясь на лингвистические данные, главным образом фонетические, автор дает сжатый очерк истории постепенного выделения из индоевропейского праязыка балтийско-славянской языковой группы, а из последней — общеславянского языка, расщепившегося впоследствии на три группы родственных языков. Этот процесс разделения общеславянского языка, по утверждению Т. Лер-Славянского, совершился в результате четырех следовавших друг за другом этапов.

На первом этапе происходило распадение общеславянского языка на две ветви: западную (позднее из нее развились западнославянские языки) и восточную (позднее давшую восточнославянские и южнославянские языки). Данное предположение автор подтверждает рядом языковых фактов, а именно: различие изменений общеславянских групп [1] *kv, gv + ž*; 2) *s'* (из *ch* в связи с палатализацией); 3) *sk, zg* в известных случаях; 4) *tl, dl*, с одной стороны, в западных, а с другой — в южных и восточных славянских языках.

На втором этапе славяне перераспределились на две группы: северную (предки западных и восточных славян) и южную (предки южных славян). Следы такой перегруппировки славян и славянских языков являются различия: 1) в судьбе групп **ort, *olt*; 2) в окончаниях *ž, ę* в определенных падежах основ на *jā-, jō-*; 3) в образовании формы им. падежа ед. числа муж. рода действительных причастий наст. времени — формы на *-a* и на *-y (ы)*. Языковые расхождения второго этапа возникли, по мнению автора, в связи с тем, что часть (южная) славян ушла за Карпаты и утратила связь с остальными славянскими племенами.

Третий этап характеризуется укреплением языковых связей между южнославянскими и чешско-словацкими группами, в противоположность остальным славянским группам, что подтверждается историей сочетаний **tort, *tolt* и т. п.

И, наконец, на четвертом этапе происходит восстановление связей чешско-словацкой группы с остальными западнославянскими и одновременно ослабление языковых

¹ Краткий обзор и характеристику польских языковедческих журналов см. в статье З. Штгера «Польское языкознание в 1945—1955 гг.» (ВЯ, 1956, № 4, стр. 142—151).

² Этим вопросам будут посвящены обзоры в последующих номерах журнала. — Ред.

связей в группе южных славян; так окончательно оформляются три группы славянских языков. В этот период происходят изменения **tj*, **dj*, **kt'*, давние различные рефлексы: зап.-слав. *e'*, *dz'* (> *z'*), вост.-слав. *ž'*, *ž'*, южно-слав.: болг. *žt'*, *žd'*, сербохорв. *ž*, *d'*, словенск. *ž*, *j*. После лингвистической части Т. Лер-Силавицкий приводит в подтверждение своих взглядов данные археологические.

В статье проф. З. Штибера «Взаимные связи западнославянских языков» (БРТГ, XIV, стр. 73 — 93) подробно рассматривается проблема взаимоотношений между западной и другими родственными группами славянских языков. Касаясь вопроса об отношении между западно- и восточнославянскими языками в древнейший период, автор указывает, что между этими группами связей не было и так называемые лексические (ляшские) черты в северновеликорусских говорах [доканье, отсутствие замены *tl*, *dl* (ср. *kl*, *gl* в ряде говоров), а также некоторые другие языковые параллели] несколько не говорят о давних связях между восточнославянской и лексической языковыми группами; этого не подтверждают и некоторые параллели в восточнославянских и поморских говорах. Что же касается влияния польских диалектов на западноукраинские, а также на западнобелорусские, то это воздействие имело место в более поздний, исторический период; в частности, говор лемков, типичный в отношении наличия западнославянских особенностей, возник не раньше XIV в. в связи с украинской колонизацией Карпатских гор.

Нижне З. Штибер, говоря об известном уже в науке факте связи между южнославянскими языками в частью западнославянских, отмечает, что наиболее ярко прослеживается эта связь с югом в центральных словацких говорах. Опираясь на исследования Я. Станислава и И. Книежи, автор объясняет эту общность тем, что венгерская низменность до прихода туда венгров была заселена славянами, язык которых был своего рода «мостом» между языком предков словаков и моравян и языком южных славян; последний факт подтверждается особенностями языка Киевского миссала, который, по мнению З. Штибера, возник на почве именно такого языка; только подобным образом можно объяснить факт последовательного совмещения в данном памятнике западнославянских и южнославянских черт.

Коснувшись попутно проблемы взаимоотношений словацко-украинских диалектов, а также связей лужицких и западнолишских диалектов с южнославянскими, автор затем в основной части статьи, посвященной языковым взаимоотношениям внутри западнославянской группы, дает характеристику чешско-словацкой, лужицкой и ляшской подгрупп.

Статья проф. В. Курашкевича «Классификация восточнославянских языков» (БРТГ, XIV, стр. 94—102) представляет собой краткий очерк становления восточнославянских языков. Исходным моментом в этом процессе был прарусский период, когда язык восточных славян характеризовался рядом общих языковых явлений и изменений, унаследованных от праславянской эпохи: образование групп *sv — ž*, *zv — ž*; *ch — s'*: *vas'ò*, *mus'ž*; *tl*, *dl — l*; *rō*, *lō*; третье *ě*: *zeml'ě*; подвижное ударение; *ь* в 3-м лице единственного и множественного числа глаголов и т. д., — а также рядом явлений эпохи прарусского языка: утрата носовых гласных, изменение в группах **torl* и т. п., изменение сонантов **tygъ*, *zerno* и т. д., лабиализация типа *moloko*, *pъlnъ*, лабиализация *e > ô > o*, изменение *je — > o*, изменение в группах *tj*, *dj* и, наконец, утрата *ъ*, *ь*.

Что же касается диалектного разграничения в прарусском языке, то, следуя за Т. Лер-Силавицким, В. Курашкевич выделяет в нем два наречия: 1) северное, части которого позднее вошли в состав современных говоров: северновеликорусских, средневеликорусских и части севернобелорусских (особенно переходных от белорусских к северновеликорусским) и 2) южное. Эти говоры вследствие хронологических различий в изменении *ъ*, *ь* в течение XII—XIII вв. еще более отделились. Но, кроме того, одновременно в южном наречии происходило расчленение и выделение говоров: 1) южных (современные юго-западные, украинские), 2) центрально-западных (современные северноукраинские и южнобелорусские) и 3) центрально-восточных (современные южновеликорусские).

Переходный характер центральных (западных и восточных) говоров в составе древнерусского южного наречия, а одновременно их обособленность по отношению к северным и к остальным южным говорам усилились в XIV—XV вв. в связи с развитием аканья. Это явление на территории центрально-восточных говоров (современное южновеликорусское наречие) было наиболее архаическим по характеру и с данной территории распространилось на север (в результате чего возникли переходные средневеликорусские говоры), на запад, а также на юг (следствием чего является редукция только безударных дифтонгов в современных северноукраинских говорах.) В противоположном направлении — с территории, занятой современными севернобелорусскими говорами, на территорию современных южновеликорусских говоров — распространилось изменение *ě (ie) > e*. Эти два явления способствовали усилению в XIV—XV вв. различий между старым северным (современным северновеликорусским) наречием и западной частью южного наречия (современные южноукраинские говоры) и были, таким

образом, характерны для древнерусского среднего (центрального) наречия (современные северноукраинские, белорусские и южновеликорусские говоры).

Однако в самом центральном наречии происходит процесс обособления и расчленения говоров: углубляются различия между говорами, которые соответствуют современным юго-западным и северо-восточным белорусским, а также впервые проявляются различия между говорами, которые соответствуют современным северноукраинским и южновеликорусским.

Кроме изменений в говорах центральных, происходят также изменения на севере и на юге. В северных говорах имели место следующие языковые явления: 1) изменение сочетаний *r, l + ъ, в*: *drowā, jābloko*; 2) сохранение *i* в начале слова: *igolka, igrā*; 3) возникновение сочетаний *oj, ej*: *mōju, sēja, imnoj* и т. д.; 4) сохранение *g* варяжского; 5) образование форм по аналогии: *ruk'ě, p'ek'i*; 5) образование форм типа *n'es'it'e* и т. д.; 6) возникновение ряда новых слов, которые первоначально появились во всей территории русского языка: *d'en'g'i, d'er'ew'n'a, pāšn'a* и т. д. Одновременно в древних южных (современных южноукраинских) говорах совершаются изменения, которые потом распространяются на север (современные полесские и подляшские говоры) и на восток (за Днепр) и которые определяют обособленность украинского языка: 1) отверждение согласных перед *e, i*; 2) изменение гласного *i* в *y*; 3) заместительное удлинение *o, e*; 4) изменение *ž* и т. д.

Центральное древнерусское наречие в конце концов окончательно распадается. Восточная его часть (от Смоленска до Брянска) вытесняется в сферу типично русских явлений, которые позднее, главным образом с XVI в., распространяются на север, что привело в свою очередь к образованию переходных средневеликорусских, а также полосу владимирско-поволжских говоров. Западная часть центрального древнерусского наречия (первоначально достигавшая Холма, Лудца, Житомира, Корсуни) подпала под влияние украинских явлений, которые в XV—XVI вв. окончательно охватили территорию наречий, сначала польского, затем полесского (до Беловежья, Пинна и Припяти), а также восточную часть Киевщины и Черниговщины.

Чисто пассивным путем выделились говоры белорусские, а именно — в результате того, что в них не проникли черты типично украинские и типично великорусские. В группе белорусских говоров их юго-западная часть обнаруживает следы давних связей с древнерусскими южными говорами, а в их северо-восточной части выявляются следы связей с северными говорами древнерусского языка — следы цоканья, но особенно явно они подчинились влиянию восточного аланья. На выделенной таким образом территории только в XV—XVI вв. развиваются типично белорусские явления, например, дзеканье, а также распространяются другие явления, которые до того времени еще не успели овладеть всем белорусским языком: 1) отверждение *r'*; 2) протеза: *hety*; 3) формы типа: *ładz'om*; 4) формы местного падежа ед. числа прилагательных типа: *u starym* и т. п.

Во второй части своей статьи В. Курашкевич пытается данную им схему образования восточнославянских языков связать с историей восточнославянских народов. Прусская языковая общность соответствует эпохе общерусского государства, в рамках которого развивалась древнерусская народность. В течение XII—XIII вв. на территории восточных славян складываются три политических объединения: 1) южное: княжества Галицкое, Волыское, Киевское, Черниговское и Северское; 2) западное: княжества Смоленское и Полоцкое; 3) северное: Новгород и Ростово-Суздальское княжество. Именно в Ростово-Суздальском княжестве начинают нарастать особые языковые явления, которые в XIV—XV вв. способствовали выделению великорусского языка. В этом процессе была несомненной роль Москвы как политического и культурного центра. Московские и ростово-суздальские памятники того времени (граммоты, Суздальская летопись, евангелие 1358 г. и т. д.) говорят о едином типе языка, северного по своему характеру. В то же время на территории западной и южной групп развиваются свои особые, а также общие для обеих групп языковые явления.

Рост Великого княжества Литовского в XIV—XV вв. способствовал как усилению обособленности языкового развития северо-восточных — ростово-суздальских говоров и говоров юго-западных — галицких (носители которых никогда не входили в состав Литовского княжества), так и одновременно — внутри самого княжества — развитие новых особенностей, характерных для центрального древнерусского наречия. В данной связи автор указывает на совпадение восточных границ Литовского княжества в XIV—XV вв. с восточными границами распространения произношения *z* вместо *v* билабзального (*us'a, dainō*) и с западными границами произношения *k'* в положении после мягких согласных (*vān'k'a*).

Галицкая земля никогда не входила в состав Литовского княжества, и в ней, как свидетельствуют грамоты XIV—XV вв., развиваются характерные украинские явления. С XVI в., когда ряд южных земель переходит из состава Великого княжества Литовского в Московское государство, растет влияние южных говоров, в результате чего возникают говоры средневеликорусские и владимирско-поволжские. В этот период окон-

чательно оформляется великорусский язык, а та часть восточнославянской народности, которая входила в состав Литовского княжества в XVI—XVII вв., окончательно обособляется от русской и украинской народности. Она образует белорусскую народность с ее языком, типичные особенности которого развиваются именно в это время: дзеканье и т. д.

Вопросы исторического развития и взаимоотношений в группе южнославянских языков освещаются в статье проф. Ф. Славского «Классификация южнославянских языков» (ВРЛ, XIV, стр. 103—111). Отмечая трудности, которые возникают при классификации южнославянских языков, автор работы пишет, что много ошибок в этой области было допущено как из-за смешения в некоторых исследованиях синхронического и диахронического аспектов при рассмотрении данных языков, так и вследствие неразличения двух факторов исторического развития южнославянских языков: исконного родства славянских языков и вновь возникших связей с балканскими языками. В своей статье автор стремится учитывать и тот, и другой факты. Касаясь проблемы исторического развития южнославянских языков, Ф. Славский намечает следующие периоды:

1) период, когда южнославянские языковые группы были тесно связаны с группами восточнославянскими, а позднее — с языками западнославянскими; 2) период южнославянской общности, которая, по мнению автора, длилась недолго: уже данные древних южнославянских памятников (Фрейзингенские отрывки и памятники старославянского языка), а также другие языковые факты (топонимические названия на территории Румынии, Албании и Венгрии, славянские заимствования в соседних языках) говорят о раннем языковом расчленении внутри южнославянской группы (таковы расхождения в судьбе группы *tj, dj*, в системе ударений), причем выделяются две группы: болгаро-македонская и сербохорватско-словенская (тесная связь между сербохорватским и словенским языками позволяет говорить о прасербохорватско-словенской общности).

Указав далее на отсутствие резких границ между отдельными южнославянскими языками, автор дает характеристику ряда говоров, носящих переходный характер, пытаясь тем самым вскрыть специфику взаимоотношений между отдельными славянскими языками: объектом такого специального рассмотрения стали говоры кайнавские, в которых отражаются языковые связи между сербохорватским и словенским языками, говоры тамокско-призренские, отражающие связи болгарского и сербохорватского языков, и, наконец, группа македонских говоров.

В связи с вопросом об этногенезе славян необходимо отметить несколько статей в основном исторического содержания, в которых дается ряд сведений и соображений по ранней истории славян. Таковы работы: К. Шляеского — «Участье славян в хозяйственной жизни Прибалтики в начале феодальной эпохи (VII—XII вв.)» (журн. «Pamiętnik slowiański», IV, № 2, 1954, стр. 227—266), З. Войцеховского — «Заметки о названиях и локализации польских племен на общеславянском фоне того времени» (там же, стр. 324—339), а также ряд других статей (там же).

*

Кроме статей, рассматривающих проблемы этногенеза славян и складывания славянских языковых групп, в польских журналах и сборниках последних лет появился ряд работ на историко-фонетические и историко-грамматические темы. Из них особый интерес представляет статья Т. Лер-Сплавинского «Опыт датировки так называемой второй палатализации задненбных в праславянском языке» [«Studia z filologii polskiej i slowiańskiej» (сокр. «Studia»), I, Warszawa, 1955, стр. 375—383]. В этой работе автор, опираясь на данные, приводимые в статье А. И. Соболевского «Древнейшие славянские названия монеты и хронология общеславянского смягчения гортанных» (РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 92—95), а также привлекая новые данные, пытается установить абсолютную хронологию изменения *k, g* в свистящие согласные после гласных переднего ряда, отнеся этот процесс ко II—IV вв. нашей эры, когда готские названия проникают в славянские языки.

Из работ по южнославянским языкам следует прежде всего отметить статью З. Гломба «К фонологической системе говоров Богданска» («Studia», I, стр. 289—333). Статья представляет собой своего рода продолжение работы проф. М. Малецкого, посвященной македонским говорам в юго-восточной части Македонии, в районе г. Салоник. Опираясь на собранные М. Малецким материалы¹, автор статьи дает подробное описание системы звуков указанных говоров, обращая внимание и на установление их фонологической системы. В статье ставятся также вопросы сравнительно-исторического характера. Автор особенно интересуется архаичными чертами данных говоров, являющимися, по его мнению, следами южномакедонского говора эпохи Ки-

¹ См. М. Małecki, Dwie gwary macedońskie. (Suche i Wysoka w Sofijskim), Kraków: I—1934; II—1936.

рилла и Мефодия. На основании анализа фонетики рассматриваемых говоров автор высказывает предположение, что непосредственно накануне эпохи Кирилла и Мефодия носовые гласные в этих говорах были широкого образования ($\varphi = \tilde{a}, \varphi = \varphi$) и что этот факт, а также другие ($\tilde{z} = \tilde{a}, t_j, dj > s', z'd'$) были общей особенностью македонских говоров, генетически связанных с болгарскими (или, точнее, с родопскими), причем македонские, родопские и, вероятно, фракийские говоры представляли собой единую группу, с которой и был связан язык Кирилла и Мефодия.

Другой работой в данной области является статья С. Радевой «Образование и значение сложных слов в болгарском языке» («Studia», I, стр. 384—417). Автор рассматривает сложные слова, во-первых, со стороны формы, различая образования без соединительной гласной и с соединительной гласной; во-вторых, со стороны грамматико-семантических значений слов, входящих в состав сложных слов, различая образования объектные (типа *лапни-мухи, сенок с*), атрибутивные (*русосокос*) и подлежащие (*водопад, листопад*); и, наконец, с лексико-семантической точки зрения. Следует отметить спорность классификации С. Радевой, объединяющей иногда разнородные словообразовательные модели без достаточной мотивировки как со стороны их морфологической структуры, так и со стороны их исторического происхождения.

По восточнославянским языкам опубликован ряд работ. Словообразованию в современном русском языке посвящена обстоятельная статья В. Витковского «Суффиксы, образующие названия действующего лица (*nomina agentis*) в русском языке» («Studia», I, стр. 486—520). В этой статье рассматриваются *nomina agentis* с суффиксами *-тель, -ец, -чик, -щик, -ник (-ик)*; автор представил большой и интересный материал.

В статье З. Загурского «О роли уменьшительных слов в языке басен Крылова» («Studia», I, стр. 521—535) анализируются различные (в зависимости от ситуационно-стилистических условий) случаи употребления этих слов; или когда в них преобладает эмоционально-экспрессивный момент (который в языке басен является, видимо, доминирующим), или когда на первый план выступает семантическая сторона деминутивных слов как таковых. К сожалению, автор представил материал далеко не полностью.

Украинский язык в рассматриваемых журналах представлен двумя статьями. В. М а н ч а к в статье «Разграничение окончаний род. пад. ед. ч. *-а; -у* в украинском языке» (ВРГ, XIII, 1954, стр. 57—65) дал обзор высказываний по данному вопросу, имеющихся в грамматиках Смаль-Стоцкого и Гартнера, Симовича и Загородского (авторы этих работ в основном исходили из лексико-семантических значений), а затем разработал свою схему распределения имен существительных мужского рода с окончанием род. падежа *-а* или *-у*, учитывая грамматические особенности имен (значение одушевленности и неодушевленности, тип словообразования) и особенности в ударении.

Истории украинского литературного языка XVII—XVIII вв. посвящена статья Л. Шнейдера «Язык подкарпатской переработки Павлом Кузкевичем трудов Кирилла Транквилиона Ставропецкого» («Studia», I, стр. 418—448). В этой статье дается описание системы графики и орфографии, а также фонетических, грамматических особенностей и лексики Учительного евангелия украинского писателя первой половины XVII в. Кирилла Транквилиона Ставропецкого. Автор сравнивает его с более поздней (середина XVIII в.) переладкой, сделанной на территории Западной Украины Кузкевичем (использована только часть этого текста, изданная Ив. Франко). Работа отличается точностью, строгим и добросовестным анализом языковых фактов и обилием материала.

Следует указать также, что в IV томе (вып. 1) журнала «Pamiętnik Słowiański» помещены статьи Т. У л е в и ч а и Т. Л е р-С л а в и н с к о г о, посвященные памяти проф. Н. Янова. Последний много занимался вопросами восточнославянской филологии, в частности языкознанием, и написал ряд работ в данной области. Незадолго до своей смерти он готовил к переизданию «Лексикон славеноросский» Памвы Берында.

Из западнославянских языков больше всего внимания, разумеется, было уделено польскому языку, его истории, диалектам и современному строю. Ограниченные размеры статьи не позволяют дать обзор этих исследований: они требуют особого рассмотрения. Поэтому остановимся лишь на статьях по другим языкам западной группы. Опубликованы работы по полабскому языку проф. Е. Куриловича и Б. Шидловской, а также ряд статей по кашубскому языку (если вообще можно говорить об особом кашубском языке). Несомненный интерес представляет статья Б. Ш и д л о в с к о й «Разведение домашних животных у полабских славян по материалам памятников их языка» («Studia», I, стр. 449—485). Автор, видимо, задумал серию работ о жизни полабских славян на основании их словаря. Первая часть из этой серии, посвященная растениеводству (полевые и огородные культуры), была напечатана в 1952 г. (см. «Pamiętnik Słowiański», III, 1952, стр. 58—105). Статья интересна потому, что до сих пор усилия

ученых были сосредоточены по преимуществу на изучении фонетики и грамматического строя этого языка, в то время как лексика, за исключением нескольких работ о полабских топонимических названиях или отдельных работ по бытовой лексике¹, вообще привлекала значительно меньше внимания.

В рассматриваемой статье весь словарный материал распределен по отдельным параграфам, каждый из которых посвящен лексике, связанной с определенным домашним животным: дается лингвистический, и прежде всего этимологический анализ названий животных, помещений и т. д. Приводятся параллели из других славянских языков. В конце статьи автор выделяет три группы слов в зависимости от их происхождения: 1) слова, имеющие соответствия в других славянских языках (таких слов — большинство); 2) слова, возникшие внутри самого полабского языка, и 3) немецкие заимствования (это главным образом названия домашних животных).

К работе приложен алфавитный словарь всех рассмотренных автором слов с указанием, где данное слово встречается в источниках по полабскому языку.

Е. Курлович в статье «Полабское ударение» («Studia», I, стр. 349—374), в противоположность Н. Трубецкому, считавшему, что в полабском языке ударение было на предпоследнем слоге, доказывает, что ударение в этом языке было инициальным и что это имело следствием закономерно совершившуюся редукцию безударных гласных. Автор устанавливает эти общие закономерности, иллюстрируя их путем тщательного анализа отдельных грамматических категорий слов (существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов и наречий). В конце статьи высказываются следующие предположения: 1) интонационные различия в полабском языке были утрачены еще в лехитскую эпоху; 2) акцент утратил фонологическое значение, поскольку он принял постоянный в отношении места характер; 3) количественные различия также утратили значение, возникло новое по своему характеру противопоставление долгих и кратких гласных, разных по качеству.

А. И. Толкачев

ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК»²

Выходящий в Турции ежемесячный научно-литературный журнал «Турецкий язык», орган Общества турецкого языка, издается с октября 1951 г. В передовой редакционной статье «Характер нашего журнала»³ отмечалось, что журнал призван бороться за чистый и правильный турецкий язык, популяризировать литературный язык, с этой целью публикуя на своих страницах стихи и прозу турецких и иностранных авторов. Журнал помещает также различные дискуссионные статьи лингвистического и, в частности, тюркологического характера. Кроме того, в журнале освещаются вопросы истории турецкого языка и литературы. Таким образом, журнал «Турецкий язык» имеет более широкие задачи, чем другой печатный орган Общества турецкого языка «Ежегодник исследований по турецкому языку» («Türk dili araştırmaları yılığı»), публикующий исключительно материалы и исследования по турецкому языку.

Настоящий обзор посвящен статьям, сообщениям и рецензиям, помещенным в журнале «Türk dili» и рассматривающим вопросы языкознания. В каждом номере журнала можно наметить приблизительно следующие разделы: 1) грамматика и лексикология современного турецкого языка, где помещаются различные статьи по вопросам фонетики, морфологии и синтаксиса турецкого языка, причем большое внимание уделяется проблемам лексикологии; 2) история языка, где публикуются статьи, анализирующие древние письменные памятники; 3) прикладное языкознание, где освещается разработка вопросов орфографии, орфоэпии и терминологии; 4) критика и библиография, где публикуются рецензии и аннотации на научные и художественные произведения как турецких, так и иностранных авторов. В этом же разделе представлена обширная библиография тюркологической научной литературы. В журнале помещаются также ответы на вопросы читателей по различным лингвистическим вопросам и главным образом по семантике неологизмов.

¹ Ср., например, работу: J. Neydzianka-Prlatowa, Słownictwo połabskie w zakresie wypraw lnu, «Slavia occidentalis», XII, 1933, стр. 258—263.

² «Türk dili» (TD). Aylık fikir ve edebiyat dergisi. Sahibi: Türk dil kurumu (TDK). NN1—63. — Ankara, 1951—1956.

³ A. S. Levend, Dergimizin karakteri, TD, cilt III, № 28, 1954, стр. 179—181.